

Б. Г. Соколов

РЕВАНШ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО СУБЪЕКТА: СЕЛФИ*

Несмотря на кажущуюся простоту, современный феномен селфи — довольно показательный феномен современности. В данном феномене можно разглядеть действие основных культурных диспозиций нашего времени. Прежде всего в этом феномене результируется основная интрига современности: трудный процесс рождения новой культуры и нового типа сознания. Автор рассматривает явление селфи как своеобразное попятное движение, восстанавливающее постепенно угасающую новоевропейскую культурную традицию. Современная кластерная культура, которая «захватывает» все больше и больше географических пространств, использующая как свою нормативную реальность медиальную среду Интернета, оказывается инфицированной центральным топосом всей предшествующей новоевропейской культуры, а именно субъектом, культурной аватарой которой является селфи. В результате виртуальная среда Интернета, служащая средством «расщепления» прежней реальности, оказывается насыщенной тем, что она прежде всего стремилась деконструировать, а именно новоевропейским субъектом. Библиогр. 3 назв.

Ключевые слова: селфи, европейская культура, кластерная культура, субъект, интерпретация феноменов культуры, конституирование реальности.

B. G. Sokolov

REVENGE OF THE EUROPEAN SUBJECT: THE SELFIE

Despite the seeming simplicity the modern phenomenon of the selfie is an interesting phenomenon of our days. In this phenomenon we can see the main cultural dispositions of our time. First of all, this phenomenon is accompanied by the main intrigue of modernity: the arduous process of birth of a new culture and a new type of consciousness. The author examines the phenomenon of selfies as a kind of retrograde motion, which gradually restores old European cultural tradition. As a result contemporary «cluster culture» for which normative reality is the Internet, becomes infected by a Central topos of old European cultural tradition, namely the Subject and its «cultural avatar» — selfie. Refs 1.

Keywords: Selfie, European culture, cluster's culture, subject, interpretation of the phenomena of culture, constituting of reality.

Старинная мудрость говорит о том, что в капле воды отражается вся вселенная, а потому если пристально и «философично» присмотреться к ней, то она расскажет нам самое существенное об универсуме. Главное здесь не капля — ибо в простом дожде их мириады, — а тот взгляд, который может разглядеть существенное в самом подчас простом и незамысловатом феномене. Именно с этой точки зрения — разглядеть существенное в повседневном и даже обыденно-привычном — я постараюсь рассмотреть в этой статье ставший уже привычным, если не сказать чересчур назойливо-кричащим, феномен современности, а именно феномен селфи.

Соколов Борис Георгиевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; sboris00@mail.ru

Sokolov B. G. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; sboris00@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-03-00429 «Концептуализация “Homo aestheticus” в современной эстетике».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Я полагаю, что в подобных броских феноменах современного мира можно проще и несказанно рельефнее проследить то, как «кажет само себя» бытие нашего времени, корректнее: как сейчас бытийствует любое, даже самое потаенное, сущее. Бытие современного сущего в подобных незатейливых явлениях, можно сказать, не просто заявляет о себе, оно навязчиво кажет себя самого в своей непотаенности. При этом главное — не поддаваться на провокацию простоты и, услышав голос бытийствующего незамысловатого, «модного», «клевого» феномена, проследить его истоки и то направление, в котором он развертывает свое бытийствование.

Именно поэтому феномен селфи — великолепный, можно сказать, классный пример, то есть довольно удобный для разбора и прояснения смысловых горизонтов в классе-аудитории. В данном феномене — селфи — довольно прозрачно кажет себя интрига бытийствования любого сущего современности. Соответственно, анализ указанного феномена выявит не только исток бытийствования данного сущего, но и в целом конститутивы и динамику той традиции, в которой он имеет место. Я полагаю, что в феномене селфи довольно рельефно запечатлены как основные диспозиции нашей новоевропейской традиции, так и, возможно, самая существенная интрига современности: процесс затухания и угасания новоевропейской традиции с постепенным замещением ее — через диссеминацию, деконструкцию и перекодировку — новой глобальной кластерной культурой.

Обратимся теперь непосредственно к феномену селфи. Среди бесконечного числа сиюминутных увлечений современности, то внезапно вспыхивающих, то столь же стремительно исчезающих, нынешняя молодежь, да и не только она, увлечена селфи. Можно сказать, что селфи — не только некий обертон, некая привычка, сопровождающая жизнь современного молодого человека или столь же молодую барышню, но и, подчас, императив, с которым эта жизнь должна согласовываться. Люди фотографируют сами себя постоянно: и на отдыхе, и когда идут на работу. Более того, подчас стремление сфотографировать свое лицо в некой эксклюзивной, а потому особенно взыскуемой, ситуации, оказывается тем резонансом, чтобы создать эту самую уникальную и неповторимую ситуацию (например, сфотографировать себя на какой-либо высокой точке). Можно без преувеличения сказать, что феномен селфи — некая страсть, которой самозабвенно предаются миллионы. Однако в целом селфи — «невинная эпидемия» современности, хотя изредка ее «законодательно» запрещают (например, запрет на селфи в музеях под довольно неуклюжим предлогом возможной порчи экспонатов или создания помех для других посетителей).

Сама «фигура» селфи, если на нее посмотреть как на определенного рода увлечение или как на ярчайший пример тенденций современной культуры, не очень интересна, ибо все довольно прозрачно и, можно сказать, на виду. Увлечений подобного рода много, они сиюминутны и подчиняются современной социокультурной динамике — динамике моды, а селфи — одно из этих увлечений. Их век, как правило, не очень долгод, и о них забывают довольно скоро. Как подобного рода современный феномен, селфи, можно даже сказать, скучен в своей вполне предсказуемой судьбе, генезисе и динамике бытийствования. Его массовость, которая порой «вдохновляет» на всевозможные статистические исследования, — «массовость пустоты», «массовость» нуля, который, как известно, даже будучи помноженным на миллион, все равно окажется тем же самым нулем.

Современные отпрыски постоянно фотографируют сами себя перед зеркалом или используют специальные приспособления («палочка для селфи»), а потом выкладывают эти снимки — тщательно выбрав наиболее подходящий — в Instagram'e, на страничке «В Контакте или в Facebook'e, чаще всего выполняя вполне внятный императив: так все делают, а я что хуже? Или руководствуясь иными сиюминутными резонами: прикольно, оригинально, «пусть завидуют», «пусть знают» и т. п. Потом «собирают» вожаделенные лайки под фотографиями и — вполне счастливы и современны. На поверхности в общем-то все довольно просто и незамысловато. А массовость подобного явления... Кого удивишь в эпоху массмедиа и массового производства массовостью? Скорее — уникальностью...

Появился Facebook и другие социальные сети, Instagram, наконец, нужны «аватарки», которые проще делать с помощью мобильных телефонов, совмещающих в себе все и вся... И дело сделано... Предпосылки налицо — потребность и желание рождает сущее: так было и так будет...

Можно даже, придав феномену историческое алиби или отдав дань уже усыхающему историзму, выяснить родословную селфи (ох уж эти истории, выстроенные из современности и случай селфи — прекрасная иллюстрация подобного подхода к выстраиванию истории). Так, в Википедии в статье о селфи с «наслаждением» приводятся исторические свидетельства о присутствии феномена «протоселфи», он же автопортрет с помощью фотокамеры, в стародавние времена:

«Великая княжна Анастасия Николаевна в возрасте 13 лет была одним из первых подростков, которая могла сделать свою собственную фотографию с помощью зеркала, чтобы отправить другу в 1914 году. В письме, которое сопровождало фотографию, она писала: “Я сделала эту картину, смотря в зеркало. Это было очень сложно, так как мои руки дрожали”» [1].

Ну бог с ней, с Википедией, которая, несмотря на бесконечный рейтинг цитирования и просмотров (что, как известно «железобетонный» показатель научной вменяемости современности), все же обладает в научном мире сомнительной репутацией. Обратимся к более вменяемому современному гуманитарному дискурсу. Вот одно исследование, на которое меня «навела» моя коллега М. Гурьева.

В статье Хана Эллис Петерсен «Фотография 1926 года демонстрирует самую древнюю палочку для селфи» [2] (в самом названии уже все в принципе сказано, а потому цитировать или пересказывать ее не имеет особого смысла) на «полном серьезе» анализируется фотография, где, возможно, запечатлен воочию прототип того гаджета, которым сегодня увлечены все поклонники и пользователи жанра селфи, а именно «палочка для селфи» (нам неизвестно научное обозначение данного приспособления). В этой связи можно сказать, что феномен селфи нашел своих адекватных исследователей, то есть его нарочитая незамысловатость и примитивность находит вполне адекватное воплощение в примитивности исследователей данного феномена современного мира.

Я не утверждаю, что провел довольно доскональное и кропотливое исследование полей Интернета и современных гуманитарных пространств, выясняя, как обстоит дело с рефлексией и прояснением данного феномена, но кое-что посмотрел. Отмечу сразу: зрелище современных гуманитарных исследований весьма печальное (их исследованиями-то довольно трудно назвать, скорее так, статистические данные плюс некоторая довольно беспомощная и неглубокая аналитика). Особо

«порадовали» зарубежные ученые, создавшие сайт под довольно «оригинальным» названием «Selfcity» [3], где основное место занимают статистические выкладки типа: какой средний возраст создателей селфи в разных городах мира, кто больше предается «селфованию», мужчины или женщины, какой процент улыбающихся на селфи и т. п. И фактически никакой аналитики, за исключением тройки статей, пытающихся преимущественно статистически и довольно поверхностно рассмотреть сей феномен современной реальности.

А потому, за неимением истории изучения вопроса, ибо все же феномен селфи — это современность, жестко локализованная по времени своего существования (фактически полтора десятилетия), попытаемся рассмотреть самостоятельно, что же это такое, селфи.

Как я уже отмечал, феномен незамысловат, и его примитивная экспликация, кажется, лежит на поверхности, можно сказать, на поверхности современности. Настолько на поверхности, что в 2015 г. поисковики зафиксировали, что это самый распространенный поисковый запрос, запрос, кстати, потеснивший много лет лидировавший в «отечественном прокате» запрос на выяснение, что такое «любовь». То есть чисто статистически селфи отвоевал пальму первенства у любви.

Напомню, что именно поэтому — как в предельно «поверхностном» феномене — в селфи особо отчетливо видна онтическая диспозиция нашего времени, определяющая не только культурный смысл данного феномена, но и те основания, которые определяют основные интриги современной культурной ситуации. А потому пристальнее присмотримся к тому, что же проглядывает в тех «телодвижениях», которые юные и не очень поклонники самопортретирования с помощью современных мобильных телефонов маркируют как селфи.

Центральный топос селфи — субъект

Само название «селфи» происходит от английского местоимения self — сам. А потому, следуя этимологии, которая в данном случае предельно ясно обнажает исток и онтическую привязку данного феномена, мы без труда можем проследить в селфи фигуру и культурную топологию новоевропейского субъекта. Сама фигура новоевропейского субъекта, собственно говоря, — центральная позиция всей новоевропейской культуры, вокруг которой не только разворачиваются интриги происходящих в нашей культуре процессов, но и которая определяет структуру и динамику онтической диспозиции данного культурного образования. Коротко говоря, новоевропейская культура — это культура субъекта, культура, выстраивающаяся субъектом и с «прикидкой» на субъект. Именно в данном культурном пространстве (и ни в каком другом) субъект обладает статусом субстанции, то есть того сущего, которое поддерживает в своем существовании не только самого себя, но и фундирует все другое сущее, конституируя его по своему «образу и подобию». И именно в ситуации селфи мы можем без труда — ибо все предельно просто и зримо — проследить перипетии конституирования центрального топоса всей новоевропейской культуры и, соответственно, конституирования всего его культурного универсума. Несмотря на свой много раз проанализированный целой плеядой отечественных и зарубежных мыслителей субстанциональный статус, новоевропейский субъект не представляет все же из себя субстанцию в точном значении данного титула, а имен-

но того сущего, которое способно «быть предельной опорой» самого себя. Он, новоевропейский субъект, в реальности не дается изначально, но собирается, конституируется по определенным сценариям сборки. Сценарий и основные приемы этой сборки на заре новоевропейской культуры прекрасно тематизировал и прописал еще Рене Декарт в своей работе «Рассуждения о методе», в которой он, правда, мыслил, что дает правила научного познания, но и — такова интрига не только данной работы французского философа, но всех работ, посвященных методологии научного познания, — по сути внятно, «ясно и отчетливо», если воспользуемся терминологией самого Картезия, зафиксировал правила сборки не только новоевропейской реальности, но и самого субъекта, которую эту реальность конституирует.

Итак, селфи — это своеобразная «символическая аватара» центральной позиции всей новоевропейской культурной традиции, а именно субъекта. Можно сказать — вполне жизнеспособная и предельно современная «аватара» субъекта. То есть селфи — это «конструкт», собирающийся по модели сборки субъекта. Впрочем, как и его «прадедушка», «прототип» — автопортрет (ибо селфи фактически — это автопортрет, который «рисует» с помощью современных фотоаппаратов и мобильных телефонов). Автопортрет и, соответственно, селфи — это не простое изображение, но видение самого себя исходя из самого себя, выстраивание собственного образа, рисование самого себя, что всегда субъективно. А потому ситуация автопортретирования в чем-то сходна с ситуацией предельно субъективного самоанализа. То, что селфи-автопортрет делается с помощью камеры мобильного телефона, не гарантирует «объективности» получаемого образа, а скорее усугубляет его субъективность. Даже простой процесс «отбраковки» тех изображений — ибо снимают, как правило, серию, сессию снимков, — которые не устраивают по тем или иным причинам фотографа и натурщика в одном лице, подчеркивает «субъективность» фотоснимка селфи. Не придает объективности изображению то, что оно получается с помощью фотоаппарата: выстраивание образа всегда осуществляется по канонам определенной культурной традиции, делегирующей норматив «объективной реальности» мгновенному и неподвижному взгляду современного технического гаджета.

Впрочем, сам процесс самофотографирования тоже интересен, ибо здесь, на уровне манипулирования гаджетом, осуществляется своеобразное обращение: фотоаппарат «обращается» вспять, нарушая нормативный канон собственного использования. В результате «смотреть на мир» превращается в «смотреть на самого себя», а фотоаппарат, который изначально был «нацелен» на внешний мир, а не на изображения «самости», оказывается обращенным вспять. Можно сказать, что повседневный и первоначальный узус этих устройств — а это «вещь» довольно ретроградная — «перекодируется», «переворачивается». Теперь камера фотоаппарата или мобильного устройства оказывается не в позиции взгляда «изнутри» вовне, а в позиции взгляда, обращенного на самого себя. И это довольно показательно и, конечно, симптоматично. В данном случае, случае обращенного на самого себя «взгляда» фотоаппарата, который изначально был предназначен смотреть «вперед», а не «внутрь», мы имеем дело со своеобразным удвоением: фотограф и фотографируемый, изначально разделенные — и феноменально и даже пространственно — соединяются здесь воедино. Если данную ситуацию транспонировать в дискурс онтологии субъекта, то можно сказать, что субъект как таковой, «в идеале»

опознаваемый как субстанция, конституирует сам себя, выступая то в роли конституируемого, то в роли конституирующего, не выпуская при этом «бразды» конституирования самого себя. В разбираемой ситуации селфи-самопортрета жест, моторика и даже сама стилистика выстраивания образа селфи демонстрируют динамику новоевропейской субстанции: юный отпрыск, запечатлевающий сам себя в процессе самопортретирования, конституирует сам себя, то есть является подлинной субстанцией которая в своем бытийствовании служит опорой самой себе и опирается на самое себя. И не важно, что в результате (как для новоевропейской субстанции, так и для ее аватары-селфи) происходит исчезновение и утрата подлинного «Другого», его замещение фигурой прирученного «Другим». Или, в терминах гегелевской диалектики, происходит трансформация «Иного» в «свое Иное».

Именно в феномене селфи мы имеем прекрасное прояснение и экспликацию фигуры «Другого», какова она в новоевропейской культуре и, главное, в новоевропейском сознании: «Другой» форматируется и создается как «Самость», он становится «Самостью», выступая зоной, откуда черпаются ресурсы контроля над самим собой.

Итак, ситуация автопортрета и, соответственно, ситуация современного автопортрета-селфи — это взгляд со стороны на самого себя, а человек, рисующий сам себя или фотографирующий сам себя, не просто рисует или фотографирует, он осуществляет — вольно или невольно — контроль самого себя посредством собственного «взгляда извне». Он смотрит на самого себя как бы извне, причем делает это не «интуитивно» или «бессознательно» — ибо все мы постоянно в обычной жизни «смотрим» на себя со стороны, — а вполне тематизированно и рефлексивно. А потому не случайно, что процедура селфи — это не один фотоснимок, а серия фотографий, целая фотосессия, в результате которой выбирается один, наиболее «подходящий» для фотографа, слитого по времени, по месту и смыслу с фотографируемой моделью, снимок. Причем в случае селфи возникает вполне современный посредник — а именно тот или иной гаджет, способный осуществить процесс съемки. Таким образом, фотоаппарат, он же модель, соединенные в одном лице, учатся контролировать процесс создания образа, при этом, конечно, сообразуя свои «желания» с возможностью современной техники. Иными словами, в процессе и в результате «селфирования» мы видим довольно традиционную ситуацию портрета, когда фигура «Я» (художник, фотограф) выявляет в себе ресурсы «Другого» (изображаемый или фотографируемый образ самого себя), а «Другой» (образ на картине или фотографии) оказывается внутренней структурой «Я». Конечно, в ситуации селфи все осуществляется так, как это предписывается современной технологической медиальной средой, но от этого структура происходящего не претерпевает существенных трансформаций.

Контроль Другого и взгляд со стороны: зеркало

Вообще фигура «Другого», как показал Ж.-П. Сартр, — не простая фигура. Это не «белый и пушистый» персонаж, который безучастно стоит перед нами. Это фигура репрессивная, которая похищает нашу Свободу. При этом «трагизм» и «беззащитность» нашего «Я» перед фигурой «Другого» заключаются в том, что он, «Другой», — это инстанция нашего сознания, а не только и не столько персонаж, стоящий за пределами нашей телесности. С помощью фигуры «Другого» происходит не

только конституирование реальности как человеческой реальности, но и постоянная дрессура самого себя, осуществляющаяся посредством постоянного взгляда на самого себя со стороны, с позиции «Другого», вернее — «квази-Другого», ибо речь идет о внутренних процессах, процедурах и интригах самого сознания. С помощью воображаемой фигуры «Другого» я смотрю на себя как в зеркало, постоянно подправляя свою социальную и культурную «прическу», постоянно корректируя собственный образ самого себя.

Не случайно (и этот сюжет так или иначе присутствует во всех разбираемых нами «срезах» феномена селфи) один из возможных вариантов создания селфи — это использование зеркала. «Я» в зеркале — это «Другой» и одновременно это я сам. В отношении себя в зеркале я становлюсь в позицию «Другого» могу контролировать свое «Я», более того, конституировать себя вполне «реально» и обыденно: барышни, да и не только барышни, проводят часы перед зеркалом, «рисую» свой собственный образ. С помощью зеркала-Другого я не только конституирую и создаю образ самого себя, но и похищаю то, что в принципе следовало бы похищать не мне, а «Другому», ибо я становлюсь этим самым «Другим», который пристально и неусыпно смотрит на меня со стороны.

Здесь зеркало, как и следует ему быть в новоевропейской культуре, озадаченной в большей степени контролем и самоконтролем, «ссылается» не на мистический контекст, на иной потусторонний мир, границей которого оно является или тем оператором, который позволяет увидеть в мире обыденном знаки мира сакрального и потустороннего, чем оно символически выступало в других культурных традициях, а на вполне внятные императивы схватывания и владычествования над схваченным. Зеркало в новоевропейской культуре и, соответственно, в ситуации автопортрета и селфи — это удвоение зримости (зеркало как элемент освещения), а также инстанция унтер-офицерской вдовы, занятой вполне новоевропейским делом — контролем-корректировкой и наказанием самого себя: со стороны, как говорят, лучше видно, а потому лучше проконтролировать самого себя.

Суммируем сказанное. Мы видим, что в ситуации селфи проявляются (и в отношении субъекта-субстанции, и в отношении фигуры «Другого», и в отношении зримости) все те основные доминанты, которые действуют на протяжении всей новоевропейской культурной традиции, а потому селфи (как феномен), несмотря на его предельную современность, а значит на его нарочитую укорененность в новой кластерной реальности и культуре, по праву принадлежит к прежней новоевропейской традиции.

Следующие два сюжета также подтвердят данный вывод. Речь пойдет о нарочитом нарциссизме жеста «селфирования» и уже несколько раз упоминаемой социальной дрессуре, которая, можно сказать, слишком настойчиво заявляет о себе в процессе развертывания данного феномена.

Прежде о нарциссизме. В самом деле, что демонстрирует «юная дева», выбирая ракурс для своего самопортрета-селфи? Конечно, прежде всего она любит себя, соблазняется самой собой, играет с собой как с объектом своего желания. Но вот в чем «фишка» происходящего: это не столько игра обычного и примитивного соблазнения, но скорее, это игра профессионала соблазна — стриптизерши, которая соблазняет, как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, саму себя. Иными словами, это жест соблазна и контроля-корректировки этого соблазна. Многочисленные

эскизы-снимки, которые делают в процессе автосъемки, — это фактически постоянная и вполне результативная технология самособлазна и самоконтроля. А потому мы имеем дело, опять же, с процедурами контроля и самоконтроля, которые являются неотъемлемой стилистикой конституирования новоевропейского субъекта и новоевропейской реальности как таковой.

Социальная дрессура и селфи

Конечно, барышня или юный джентльмен, которые озадачены созданием селфи, меньше всего думают о том, что их действия прекрасно вписываются в модель социальной дрессуры, которая постоянно осуществляется в любом культурном образовании. Резоны, которыми они руководствуются, конечно, разные — от желания разместить в Интернете новую аватарку до стремления похвастаться перед друзьями теми событиями, которые фиксируются как фон на селфи. Этих событий — не счесть: от посещения различных «Мекк» туристической индустрии до присутствия в гуще трагических событий. Но, подобно «хитрости истории», о которой говорил Гегель, заявляя о том, через наши вроде субъективные намерения и действия реализуются всеобщие «структуры» и универсально-историческое шествие человечества и даже абсолютного духа, через указанные (и, конечно, неуказанные) действия создателя селфи осуществляется вполне реальная дрессировка, развертывающаяся в социальном пространстве. Прежде всего, «участвуя в проекте» селфи, его «фанат», вооруженный планшетом или смартфоном, учится выстраивать самого себя и себя же контролировать и подправлять. Создание образа самого себя и контроль со стороны себя же самого — неотъемлемый сценарий сборки новоевропейского субъекта, и именно он довольно прозрачно просматривается за всеми манипуляциями современными гаджетами, в процессе отбраковки неподходящих фотографий или когда фотографии «редактируются» Photoshop'ом или любым другим графическим редактором. Конечно, скорее всего, резоны втягивания в незримый и перманентный процесс социальной дрессуры, который осуществляется в случае селфи, могут быть ситуационными, но и они демонстрируют скорее не личные предпочтения, но онтические или культурные модели и константы. Например, для многих занятие селфи может быть «прикольным», «крутым», «модным» и т. п. Но несмотря на то, что каждый руководствуется своими личными императивами и предпочтениями, по сути, все указанные мотивы — это отнюдь не личные мотивы, несмотря на то что они реализуются в горизонте и «теле» личности, но императивы современного культурного пространства.

Перекодирование процесса конституирования виртуальной реальности

Однако самое существенное в феномене селфи — это то, что данное явление оказалось (волею ли случая или вполне закономерно) на переднем крае довольно драматичной и, во всяком случае, довольно интригующей борьбы новой глобальной кластерной и техногенной культуры со своей предшественницей, с той культурой, которая ее породила, а именно с новоевропейской культурной традицией.

Современная глобальная культура во многом развертывается благодаря технологии «глобальной паутины» виртуального мира Интернета. Можно сказать, гло-

бальная культура имеет в «лице» Интернета не только своего проводника, но и ту виртуальную и кластерную модель, которая используется для перекодировки и деконструирования всей прежней реальности. Само же виртуальное пространство Интернета — не самое «живое» и «гуманистическое» пространство в этом мире. Сотканное из потока бинарного кода, виртуальное пространство Интернета скорее способно «подавить» индивидуальное и человеческое, чем способствовать их упрочению. Хотя, конечно, на уровне деклараций и риторики все обстоит таким образом: Интернет-пространство — это де послушный слуга человека и создан для его удобства и реализации желания. Но как любой слуга, о чем уже давно предупредил Гегель, разбирая диалектику раба и господина, Интернет давно диктует свои «правила игры», свою логику бытийствования и конституирования реальности как таковой. Ныне мы скорее приспосабливаемся к этой новой медиальной реальности, чем способны воздействовать на ее изменения в ее базовых правилах и моделях. Можно сказать, человек уже давно «потерян» в этом виртуальном пространстве, и это фактически мощнейший удар по и без того уже довольно хрупкому в современном мире образованию, каковым является новоевропейский субъект. Виртуальное пространство Интернета в этом отношении «вторит» той тенденции, дрейфу современности, которая разбирает, кластеризует прежнюю реальность как таковую и в первую очередь тот «механизм», который эту реальность выстраивает — а именно фигуру субъекта. При этом прежде всего разборке и перекодировке подвергается сознание человека, собираемое еще недавно по модели субъекта. Расщепление субъекта оказывается тем императивом кластеризации реальности, который действует не только на индивидуальном уровне, но и транслируется во всех сферах нашей реальности. Тотальная кластеризация реальности и рождение новой культуры и типажа сознания — звенья одной цепи.

В этой ситуации Интернет выступает той инстанцией, с помощью которой происходит деструкция и разборка угасающей новоевропейской культуры на сегменты и кластеры. Именно поэтому фигуре субъекта и его «аватарам» — личности, «Я», индивидуальности и т. п. — в этом виртуальном мире не «очень уютно». Этот мир не «поощряет» и не дает возможности динамике, основанной на субъективных моделях конституирования реальности, ибо сама реальность и субъект, который выстраивает «по своему образу и подобию» реальность, в этом виртуальном пространстве расщепляются на кластерные сегменты, на «байты» бинарного кода, то есть ту «материю», из которой проще всего осуществить «лего-сборку» кластерного мира.

И вот сейчас на горизонте, можно сказать, на «острие современной реальности» возникает феномен селфи, который недвусмысленно инфицирован и выкроен по модели новоевропейской субъективности. Иными словами, селфи как современная «аватара» субъекта оказывается тем образованием, которое, несмотря на то что оно использует всю мощь и возможности медиальной среды Интернета, по своей сути и смыслу принадлежит угасающей новоевропейской традиции. Можно сказать, что происходит следующее: в «лице» селфи мы имеем своеобразную контратаку субъекта, причем в самую сердцевину той культурной реальности, которая онтически враждебна любым формам субъективности. В этом отношении субъект в лице селфи стремится покорить виртуальный мир, обжить его. Причем обжить не как абстрактный безжизненный конструкт, а «во плоти», по крайней мере в той

«плоти», которая, приняв вид бинарного кода, оказывается перемещенной в Интернет.

И еще одно «пикантное» обстоятельство. Подобно тому как глобализационная кластерная культура осуществила «онтический и культурный» перехват прежней новоевропейской культуры, перекодировав колонизационные процессы в глобализационные, феномен селфи и все, что с ним связано, таким же образом стремится перекодировать уже глобализационные маршруты и «опорные точки» новой реальности новой культурной традиции, используя среду Интернета для трансляции «субъективности» селфи в глобальном масштабе. Можно сказать, что в случае селфи реализуются онтический и культурный перехват и перекодировка кластерной реальности. Иными словами, описывая феномен селфи, мы можем говорить о том, что происходит попятное движение, своеобразный онтический реванш исчезающей новоевропейской культуры и реальности.

Я всегда полагал, что зарождающаяся традиция, несмотря на ее фантастическую скорость экспансии (прежде всего благодаря мощи современных медиальных каналов распространения), — довольно хрупка и беззащитна, что возможны ее перехват, перекодировка и даже возвратное движение. Свидетельств тому предостаточно, упомянем только одно — своеобразный ренессанс и экспансию ислама не только в традиционных ареалах его бытования в Азии и Африке, но и в Западной Европе и Северной Америке. Теперь мы можем видеть и другой пример, когда, возможно, происходит перекодировка и трансформация глобализационных процессов, своеобразная реставрация прежних культурных констант. А потому в ситуации такого вполне «невинного» и не очень прихотливого явления, как селфи, мы видим своеобразный ответ европейской традиции, инкорпорирующий субъект в святая святых современной реальности — в виртуальный мир Интернета.

Литература

1. Селфи. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%84%D0%B8> (дата обращения: 15.03.2015).
2. Ellis-Petersen H. Photograph from 1926 shows selfie stick older than meets the eye. URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/dec/23/photograph-1926-shows-selfie-stick-older-than-meets-eye> (дата обращения: 15.03.2015).
3. Selfiecity. URL: <http://selfiecity.net/intro> (дата обращения 15.03.2015).

References

1. *Selfie*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%84%D0%B8> (accessed 15.03.2015).
2. Ellis-Petersen H. *Photograph from 1926 shows selfie stick older than meets the eye*. Available at: <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/dec/23/photograph-1926-shows-selfie-stick-older-than-meets-eye> (accessed 15.03.2015).
3. *Selfiecity*. Available at: <http://selfiecity.net/intro> (accessed 15.03.2015).

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2015 г.